

Роман М. М. Филиппова «Осажденный Севастополь» в литературном и публицистическом контексте Крымской войны

Исторический роман «Осажденный Севастополь» написан ученым, философом и издателем М. М. Филипповым в 1889 г., спустя почти 30 лет после Крымской войны. Этот достаточно «периферийный» по своим литературным достоинствам роман является одним из ярких примеров максимально объемного изображения Крымской кампании и ее последствий.

«Осажденный Севастополь» интересен прежде всего тем, что в русской литературе это единственное произведение о событиях Крымской войны, написанное в жанре романа. Это само по себе удивительно, ведь «крымская» тема была одной из самых острых и обсуждаемых как в русском, так и в европейском обществе второй половины XIX в. Также роман Филиппова представляет безусловный исторический интерес, поскольку в нем с документальной точностью переданы реальные события Крымской войны.

Главным предметом нашего исследования является литературно-публицистический контекст «Осажденного Севастополя». Роман Филиппова дает прекрасную возможность для его изучения, поскольку содержит множество отсылок к русским, британским и французским литературно-публицистическим произведениям на «крымскую» тему, создававшимся на протяжении трех десятилетий после окончания Крымской войны.

Характер и научно-художественные пристрастия Филиппова во многом определили его подход к созданию романа о Крымской войне. Филиппов с юности отличался любознательностью, проявлял интерес к разным достижениям науки. Получив образование в России, Франции и Германии, он перевел на русский язык труды Ч. Дарвина, на французский — работы Д. И. Менделеева. В 1894 г. Филиппов начал издавать собственный журнал «Научное обозрение». В нем печатались физики, математики, экономисты, философы и литературоведы.

Документы, хранящиеся в ГАРФ, позволяют дополнить биографию Филиппова как популяризатора науки, журналиста, ученого, писателя. За свои марксистские взгляды он попал под постоянный контроль полиции. В 1901 г. был выслан из Петербурга на три года «без разрешения жить в университетских городах и фабричных местностях» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 95. Д. 1671: 23 об.]. В ссылке Филиппов был под негласным надзором, но, как указано в его досье из департамента полиции, «ни в чем предосудительном не замечался» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 95. Д. 1671: 53 об.]. Ему разрешили вернуться в Петербург в сентябре 1902 г.

Филиппов умер неожиданно 12 июня 1903 г. при проведении опытов в своей лаборатории, в которой одновременно располагались и издательство «Научного обозрения», и квартира семьи Филиппова. Его смерть до сих пор окружена домыслами и слухами. Существуют версии и о самоубийстве, и о несчастном случае во время эксперимента, а также о заказном убийстве. Сторонники последней версии считают, что результаты экспериментов Филиппова были намеренно засекречены [см.: Короп 1965: 22]: в своем последнем письме в «Русские Ведомости» Филиппов писал, что изобрел способ передачи взрыва на расстоянии.

Сразу же после смерти Филиппова его архив был конфискован полицией. В ГАРФ хранится запрос вдовы Филиппова к министру внутренних дел Н. А. Маклакову о «возвращении ей книг и рукописей, взятых членами охранного отделения 12 июня 1903 г. во время обыска в квартире покойного ее мужа» [ГАРФ. Ф. 124. Оп. 51. Д. 887: 1 об.]. В деле указано, что прошение «препровождено по принадлежности Министру Внутренних Дел» [ГАРФ. Ф. 124. Оп. 51. Д. 887: 2 об.], но никакой последующей реакции от министерства не последовало. Существует ли изъятый архив писателя до сих пор, неизвестно. Сын писателя, Б. М. Филиппов, известный театральный деятель, в мемуарах «Записки “Домового”» пишет, что

<...> на утро после его гибели в нашу квартиру нагрянули охранники и увезли все записи опытов, переписку и документы. С тех пор все

кануло в Лето (орфография Б. М. Филиппова. — Н. С.). Есть основание предполагать, что бумаги отца сгорели во время пожара в здании охранного отделения в дни Февральской революции [Филиппов 1978: 11].

Обратимся к рассмотрению литературно-публицистического контекста, в котором создавалось самое значительное произведение Филиппова, — роман «Осажденный Севастополь». Среди художественных произведений, оказавших влияние на Филиппова, центральное место занимают, несомненно, «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого, печатавшиеся в «Современнике» в 1855—1856 гг. В этих рассказах впервые сходятся все характерные черты описания военных действий в Крыму. «Севастопольские рассказы» не только описывают военную жизнь, но и дают ей оценку. Толстой уже тогда подметил те стороны ведения боевых действий, которые потом вызовут оживленную полемику в прессе: плохое управление, недостаточное снабжение и, конечно, казнокрадство и недоимки.

Опыт Толстого был очень важен для Филиппова: «Два года на стадии подготовки романа “Осажденный Севастополь” он [М. М. Филиппов] переписывался с Толстым, и, понятно, что текст складывался в диалоге и с учетом “Севастопольских рассказов”» [Пенская 2012: 472]. Известно, что после смерти Филиппова его вдова обращалась к Толстому за помощью в издании романа, но получила отказ [см.: Толстой 1984: 574].

Размышлениями о Крымской войне наполнены и тексты Н. С. Лескова. Начав с отдельных ее упоминаний («Сим воспрещается...» (1869); «Воительница» (1866)), Лесков постепенно все глубже осмысливает результаты Крымской войны, так что присутствие «крымского» сюжета в его произведениях перестает казаться случайным. Так, роман «На ножах» (1870), рассказы «Железная воля» (1876) и «Владычный суд» (1877) отражают патриотический подъем в русском обществе и надежды на изменение политической ситуации в стране после поражения в войне и воцарения нового императора. Увлеченность многих женщин того времени газетными очерками и письмами сестер

милосердия Крестовоздвиженской общины нашла отражение в романе «На ножах»:

Из этой роли ее вывела Крымская война, когда Катерина Астафьева, по неодолимым побуждениям своего кипучего сердца, поступила в общину сестер милосердия и отбыла всю тяжкую оборону Севастополя, служила выздоравливавшим и умиравшим его защитникам, великие заслуги которых отечеству оценены лишь ныне [Лесков 1903в: 137].

Как иллюстрация отношения к Крымской войне в русском обществе наиболее интересен рассказ Лескова «Бесстыдник» (1877). Один из героев рассказа, Порфирий Петрович, рассказывает случай, произошедший с ним на вечере у Степана Александровича Хрулева. Порфирий Петрович завязал спор с провиантским чиновником из-за серии статей «Изнанка Крымской войны», напечатанных в трех номерах «Военного сборника» за 1858 г. В статьях описывалось воровство и казнокрадство. Эта тема была одной из самых острых после окончания войны, так что «Изнанка Крымской войны», действительно, шевелила «самые живые раны» [Лесков 1903а: 168].

Об «Изнанке Крымской войны» и реакции, которую эти статьи вызвали, Лесков вспомнит позже в рассказе «Загон» (1893): «Шло что-то новое: бахвальства сменились картинками “Изнанки Крымской войны” и “Параллелями” Палимпсестова» [Лесков 1903б: 147].

Для полноты описания «крымского» сюжета не менее важны произведения К. М. Станюковича. Он, будучи сыном командира севастопольского порта и военным губернатором Севастополя, еще в юности стал свидетелем и участником обороны Севастополя. Несмотря на то что Станюкович был автором нескольких романов и еще большого количества рассказов на современные темы, большую популярность принесли ему многочисленные «морские» рассказы, выходившие с конца 1850-х гг. вплоть до 1903 г. В этих произведениях Станюкович описывал жизнь простых моряков, свидетелем которой он был сам, осуждал телесные наказания, описывал «палачей-мордобоев» и добрых, честных матросов.

Главным и заключительным «крымским» текстом Станюковича, а также единственной крупной повестью о Крымской войне стала повесть «Севастопольский мальчик», вышедшая в течение 1902 г. в журнале «Юный читатель». Эта повесть является самой «отдаленной» литературной оценкой Крымской войны и в то же время переключается с английским «детским» романом «Джек Арчер: история о Крыме» Д.-А. Хенти (Генти), где главный герой тоже становится непосредственным участником Крымской кампании. Изучение «детского» извода крымского сюжета как в русском, так и в английском контексте представляется перспективным, однако это тема отдельного исследования.

У многих русских писателей второй половины XIX в. мы находим элементы своеобразной мифологизации Крымской кампании, подачи ее в «анекдотическом» виде. Можно упомянуть о подобных «анекдотах» у И. А. Гончарова¹ или Ф. М. Достоевского², И. С. Тургенева, опубликованных в период Крымской войны и после нее.

В 1858 г. Тургенев пишет:

Лорд Пальмерстон не заставил себя ждать. Его встретили очень радушно и почтительно. Я с особенным любопытством смотрел на этого человека, имя которого стало до того известно в России по милости последней войны, что, помнится, однажды, в самой глуши Полесья, мужик спросил меня: «Жив ли Пальмистрон?» [Тургенев 1982: 253].

¹ «Фрегат “Паллада”» (1855): «Я совершенно случайно избежал участи, постигшей моих товарищей. Открылась Крымская кампания. Это изменяло первоначальное назначение фрегата и цель его пребывания на водах Восточного океана» [Гончаров 2000: 712].

² «Парадоксалист» (1876): «Это даже странный факт, что война менее обзывает, чем мир. В самом деле, какая-нибудь политическая обида в мирное время, какой-нибудь нахальный договор, политическое давление, высокомерный запрос — вроде как делала нам Европа в 63-м году — гораздо более обзывают, чем откровенный бой. Вспомните, ненавидели ли мы французов и англичан во время крымской кампании? Напротив, как будто ближе сошлись с ними, как будто породнились даже. Мы интересовались их мнением об нашей храбрости, ласкали их пленных, наши солдаты и офицеры выходили на аванпосты во время перемирий и чуть не обнимались с врагами, даже пили водку вместе. Россия читала про это с наслаждением в газетах, что не мешало, однако же, великолепно драться. Развивался рыцарский дух» [Достоевский 1981: 125].

Похожий комментарий можно найти и в «Дыме» (1867):

Только, извините меня, ваше замечание напоминает мне торжествующие указания наших несчастных журналистов во время Крымской кампании на недостатки английского военного управления, разоблаченные «Тэймсом» [Тургенев 1981: 275].

Изучение художественного контекста романа «Осажденный Севастополь», несомненно, оправданно, но особый интерес для нас представляют публицистические произведения, личные дневники и переписка участников Крымской войны, пользовавшиеся огромной популярностью как во время кампании, так и после нее.

Интерес к мемуарам и эпистолярию 1850—1860-х гг. возрастает в 1880-е гг. Именно в это время подобные тексты активно публикуют многие русские журналы: «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская Старина», «Русский Архив», «Русский Вестник».

Первые и самые распространенные литературные отклики на крымские события — это записки участников событий или военные рассказы, где на фоне войны разворачивается романтическая история. Такие рассказы можно найти и в «Современнике»: это «Госпиталь в Константинополе», «Рассказ рядового Павла Поветника», «Жизнь на Севастопольской батарее. Рассказ матроса Галищенко», «Эпизод из истории обороны Севастополя (рассказ рядового минского полка Гончарова)», «Секрет. Рассказ пластуна (рядового 8 пешего батальона Черноморского казачьего войска, пластуна Самсона Полянского)» и т. п. Эти рассказы — яркая иллюстрация моды на определенные «крымские» сюжеты в публицистической литературе времен Крымской войны.

Немного другими представляются рассказы, имеющие в основе описание военных действий, но использующие его лишь как фон для сатиры. К примеру, в «Рассказе покойного Барона Мюнхгаузена о бомбардировании Одессы» призрак француза показывает с неба покойному Барону всю искусность французской бомбардировки Одессы. Барон наблюдает бомбардировку, которая оказывается неудачной для союзников, и говорит, что его приятель француз

Франсуа ле Монитер (в имени которого очевидно указание на одну из самых крупных французских газет того времени) совсем не прав, думая, что бомбы союзников принесли хоть малейший вред Одессе.

Роман «Осажденный Севастополь» кажется хроникой Крымской войны. Главным источником хроники стала публицистика военного времени. Газетные источники с минимальными изменениями переходят в художественное пространство романа.

«Северная пчела» в 1855 г. несколько раз публиковала корреспонденцию П. В. Алабина, одного из участников военных действий в Крыму. Позже эти отрывки были помещены в две мемуарные книги Алабина, первая из которых вышла в 1861 г. В романе «Осажденный Севастополь» встречаются совпадения как с текстами, опубликованными в «Северной пчеле», так и с текстом мемуаров Алабина.

Совпадения с текстом Алабина присутствуют не только на уровне отдельных сцен, но и в описаниях персонажей «Осажденного Севастополя». В романе встречаются заимствования подробностей из жизни людей, которые не прославились участием в военных действиях, а были просто местными чудаками. Такой, например, была Прасковья Ивановна Графова, о которой Филиппов упоминает несколько раз, описывая героиню точно так же, как Алабин: чудака, ездившая на лошади по-мужски и спавшая вместе с солдатами в блиндажах.

Совпадения присутствуют и в описаниях частной жизни исторических лиц, к примеру П. С. Нахимова. В романе «Осажденный Севастополь» описывается момент ранения адмирала в голову, причем Нахимов произносит ту же фразу, которая воссоздается и в мемуарах Алабина: «Слишком мало-с, чтоб об этом думать, слишком мало-с!» [Филиппов 1963: 301].

Наконец, совпадения между мемуарами Алабина и романом «Осажденный Севастополь» имеются и на уровне описания ключевых для «крымского» сюжета моментов — перемирия на Малаховом кургане, объявленного для того, чтобы противники позаботились о раненых и мертвых, или вынужденного затопления русских кораблей. Русские войска были вынуждены затопить флот, чтобы не дать противникам войти в бухту Севастополя, при этом

корабль «Три святителя» никак не шел ко дну. Моряки вспомнили, что на борту осталась чудотворная икона. И Алабин, и Филиппов описывают, как моряки забрали икону и корабль «зашатался, волны расступились, запенились и покрыли его» [Филиппов 1963: 227].

Сходство можно найти также в рассказе о получении полковых денег главным героем «Осажденного Севастополя» и самим Алабиным. Алабина, как и главного героя романа, отправили от полка в Симферополь для получения жалованья на полк. И Алабин, и герой «Осажденного Севастополя» сталкиваются со взяточничеством. Но если Алабин мирится с этой системой и признает существующий порядок взятки в виде довольно большого процента от суммы жалованья, то герой «Осажденного Севастополя» идет против заведенного порядка: он добивается от провиантского чиновника почти всей суммы жалованья. А по приезде в полк он узнает: его командир знал о том, что чиновники всегда откладывают часть суммы себе, и только удивился, почему с него списали так мало «процентов».

Несомненно, сюжет взяточничества и краж во время войны был одним из самых актуальных и во время войны, и после ее окончания³. Интересна специфическая оценка этого сюжета. Если Алабину, Лескову и — в некоторой степени — Толстому кражи и взяточничество кажутся тем явлением войны, против которого бессмысленно бунтовать, то Филиппов использует этот мотив, трансформируя его в мотив бунта против системы, для идеализации обычных солдат, низших чинов. Если авторы, которые работали с этим сюжетом до Филиппова, используют его как способ «документирования» действительности (Алабин), в качестве предмета полемики (Лесков) или как острабяющий прием (Толстой), то Филиппов посредством него добивается дифференциации образов честных солдат и некоторых высших чинов (Нахимова в первую очередь) и развращенных светским обществом офицеров из Петербурга и неумелых командиров.

³ Художник Л. М. Жемчужников, побывав в Крыму, возмущался беспорядком в снабжении армии: «Не одно интендантство грабило. Поставщики не доставляли мяса, полушубков, разбавляли водку, деньги, посылаемые крестьянами своим родственникам <...> до них не доходили и назад не возвращались» [Жемчужников 1926: 100].

При написании романа Филиппов отбирал особенно характерные в историческом отношении явления времени, описывая, например, моду на пластунов и деятельность сестер милосердия в Севастополе.

Если в армии союзников самыми неординарными и экзотическими участниками кампании считались⁴ зуавы⁵, то в русском публицистическом контексте им противостоял гораздо более романтизированный образ пластунов.

В «Русском художественном листке» можно найти портреты самых знаменитых пластунов Крымской кампании. Рассказы же из их жизни содержатся во многих газетах и журналах. Истории пластунов представляются одним из главных и чрезвычайно привлекательных для романистов «частных» сюжетов Крымской войны. Использование рассказов и заметок о пластунах как материала для изображения «частной» стороны войны стало важным приемом и в романе «Осажденный Севастополь».

Еще один «крымский» сюжет, используемый Филипповым, связан с деятельностью русских сестер милосердия⁶. Она описывается в романе «Осажденный Севастополь» как одна из самых героических страниц Крымской войны.

Статьи о сестрах милосердия занимают сравнительно немного места в публицистическом контексте «крымского» сюжета, но тем они и важнее. К примеру, эпизод из статьи в газете «Северная пчела» от 3 марта 1855 г. под названием «Продолжение известий о сестрах Крестовоздвиженской общины попечения раненых в Крыму» использован Филипповым практически без изменений. В «Северной пчеле» рассказывается о последних минутах жизни солдата:

⁴ У. Рассел называет их «бородатыми зуавами». Надо признать, что борода зуавов стала чуть ли не самым главным их признаком. Описание бороды, ее длины и размера встречается почти всегда в описаниях зуавов.

⁵ Французские колониальные войска, названные в честь самого воинственного алжирского племени. Во время Крымской войны в войсках зуавов могли служить и французы.

⁶ Деятельность общины подробно описана в мемуарах Е. М. Бакуниной «Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины».

Бедному солдату легче стало на душе, когда он увидел, что есть в мире существо, которое бдит над ним; видно, это существо показало ему чище тех женщин, которых он встречал на пути жизни, потому что, провожая ее глазами, вырвались из души солдатской чудные наивностью слова: «Барышня, пройдите еще раз!» Барышня исполнила желание солдата, и, обойдя всех больных своих, она опять прошла мимо его. В это время солдат умирал... он умер с улыбкой на устах [Северная пчела 1855: 241].

В «Осажденном Севастополе» имеется идентичный эпизод:

— Барышня! Явите божескую милость, пройдите еще раз.

Спустя полчаса Наташа исполнила эту наивную просьбу. Когда она подошла к солдату, суровое лицо умирающего прояснилось. Он взглянул с неизъяснимой благодарностью на это, казавшееся ему неземным, существо и умер с улыбкой на устах [Филиппов 1963: 397].

Анализ образа сестер попечения приводит к выводу, что, подобно описаниям пластунов и бытовых историй из жизни исторических лиц, этот материал использован Филипповым не только для изображения действительной осады Севастополя, но и для придания роману героической тональности. Достаточно сравнить отношение к сестрам попечения в романе «Осажденный Севастополь» с отношением к ним в «Севастопольских рассказах». Описание «хорошенькой сестры» из «Севастополя в мае» явно контрастирует с восторженным описанием сестер у Филиппова.

Подводя итоги, отметим, что роман Филиппова «Осажденный Севастополь» представляется нам ключевым примером влияния публицистики на литературу времен Крымской войны, что заметно и в опоре романиста на публицистические заметки о военных действиях, и в способах вписать вымышленный сюжет произведения в историческую канву военных событий.

СОКРАЩЕНИЯ

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
- Гончаров 2000 — *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб., 2000. Т. 3.
- Достоевский 1981 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1981. Т. 22.
- Жемчужников 1926 — *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1926.
- Короп 1965 — *Короп П.* Что же открыл доктор М. М. Филиппов? // Техника молодежи. 1965. № 11. С. 22.
- Лесков 1903а — *Лесков Н. С.* Полное собрание сочинений: В 36 т. СПб., 1903. Т. 16.
- Лесков 1903б — *Лесков Н. С.* Полное собрание сочинений: В 36 т. СПб., 1903. Т. 20.
- Лесков 1903в — *Лесков Н. С.* Полное собрание сочинений: В 36 т. СПб., 1903. Т. 25.
- Пенская 2012 — *Пенская Е. Н.* Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 418—475.
- Северная пчела 1855 — [Б. н.] Продолжение известий о сестрах Крестовоздвиженской общины попечения раненных в Крыму // Северная пчела. 1855. № 48 (3 марта). С. 240—242.
- Толстой 1984 — *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: В 22 т. М., 1984. Т. 19—20.
- Тургенев 1981 — *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М., 1981. Т. 7.
- Тургенев 1982 — *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М., 1982. Т. 10.
- Филиппов 1963 — *Филиппов М. М.* Этюды прошлого. М., 1963.
- Филиппов 1978 — *Филиппов Б. М.* Записки «Домового». М., 1978.